

Историки науки и техники – дети Великой Отечественной войны: устная история и сохранение исторической памяти

Фандо Роман Алексеевич

Захарчук Полина Александровна

Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

Приводятся устные воспоминания сотрудников ИИЕТ РАН, рожденных в период 1929–1944 гг. и оказавшихся невольными свидетелями военных и первых послевоенных лет. Воспоминания были записаны 17 мая 2022 г. во время общеинститутского празднования Дня Победы. Представителям старшего поколения предлагалось рассказать о запомнившихся эпизодах Великой Отечественной войны. Анализ их выступлений показал, что, несмотря на индивидуальность памяти, у многих респондентов война ассоциируется с массовой эвакуацией людей, потерей родственников, голодом, бомбардировками, помощью со стороны незнакомых людей, детским трудом, а также с самоотверженным подвигом на фронте и в тылу. У детей войны данный период отечественной истории закрепился с одной стороны как символ несгибаемости советских граждан и фактор народного единения, а с другой стороны – как боль, трагедия, и катастрофа, разрушившая судьбы миллионов. Записанные личные воспоминания о Великой Отечественной войне имеют корни семейной «микроистории», так как включают в себя рассказы и устные предания родственников. Однако память детей о повседневной жизни в годы военного лихолетья сформировала у них особое коллективное чувство патриотизма, до сих пор составляющее важную часть национальной идентичности.

Ключевые слова: ИИЕТ РАН, историки науки и техники, дети войны, устная история, историческая память, коллективное прошлое

Цитирование: Фандо Р.А., Захарчук П.А. Историки науки и техники – дети Великой Отечественной войны: устная история и сохранение исторической памяти // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2025. Т. 3, вып. 2. С. 101-125

Historians of science and technology – children of the Great Patriotic War: oral history and the preservation of historical memory

Roman A. Fando

Polina A. Zakharchuk

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

This is a collection of oral reminiscences by the members of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, born from 1929 to 1944, who have witnessed the war and the early post-war years. The reminiscences were recorded on May 17, 2022, during the Victory Day celebration at the Institute. The older generation of the historians of science and technology were asked to recount the episodes they remembered from the War. An analysis of their stories has shown that many respondents associated the War with mass evacuation of people, losing their relatives, starving, bombings, help offered by strangers, children's labor, and selfless, heroic acts at the front and in the rear. For the children of the war, this period in national history has become ingrained in their minds as a symbol of Soviet people's indomitability and a factor of national unity, on the one hand, and as pain, tragedy and disaster that had destroyed the lives of millions, on the other hand. These personal reminiscences about the Great Patriotic War are rooted in family 'microhistory', as they include their relatives' stories and oral traditions. However, for these people, childhood memories of everyday life during the War formed a distinctive collective sense of patriotism, which still comprises an important part of national identity.

Keywords: S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, IHST RAS, historians of science and technology, children of war, oral history, historical memory, collective past

В последние два десятилетия наметилась устойчивая тенденция к изучению различных форм исторической памяти, что повлекло за собой расширение предметного поля исторической науки, включение методов и приемов устной истории в арсенал исследователей, переключение их внимания с конкретного события прошлого на воспоминания о нем, поиск способов интерпретации и трансляции коллективной памяти. Конструирование образов «общего прошлого», сложившихся в коллективной памяти различных социальных групп, дает возможность современным историкам выявить различные особенности этих групп: сформировавшиеся ценности, значимые события, отношение к различным политическим, экономическим, культурным проблемам прошлого и настоящего, степень субъективности в представлении фактов и связей между явлениями (Хальбвакс, 2007; Леонтьева, 2012; Пивоварчик, 2023; Романова, Федорова, 2023; Поршнева, 2024; Sang, 2009; Landsberg, 2015; Laruelle, Karnysheva, 2021; Tromly, 2024).

Придерживаясь концепции М. Хальбвакса о наличии групповой (коллективной) памяти, которая заключена в социальные рамки, поддерживается и активизируется в результате взаимодействия с людьми, мы попытались собрать и проанализировать воспоминания сотрудников ИИЕТ РАН о событиях Великой Отечественной войны. 17 мая 2022 г. на празднование Дня Победы были приглашены свидетели тяжелых военных лет, все они в 1941–1945 гг. были еще детьми, поэтому их воспоминания вобрали в себя не только личный опыт, но и рассказы родителей и старших родственников.

Устные воспоминания ииетовцев показали ценными немногочисленными источниками о событиях прошлого и позволили передать современникам не только содержательную, но и эмоциональную компоненту исторической памяти о Великой Отечественной войне. Ценность личных воспоминаний состоит в том, что они иллюстрируют внутренний мир человека, его нравственные идеалы, гражданскую позицию. Некоторых из

участников этой памятной встречи уже нет среди нас – в 2024 г. ушел из жизни И.И. Мочалов. Это были его последние рассказы о военном детстве.

Отдельным сюжетом практически всех воспоминаний стала эвакуация, переезд на восток или юг страны и жизнь вдали от родного дома. Долгое расставание с близкими, отсутствие родителей, воспитание чужими людьми, постоянное чувство голода становятся элементами повседневности военного детства. В своих воспоминаниях ни один ииетовец (ребенок войны) не обошел стороной тему смерти своих близких. Понадобилось время, чтобы представители старшего поколения – в прошлом свидетели военного времени – смогли подобрать подходящие фразы и рассказать о своем опыте и личностных переживаниях.

Несмотря на то, что существует огромный пласт документов, позволяющих в той или иной мере восстановить события Великой Отечественной войны, для понимания их сути важен еще процесс восприятия эмоционально окрашенных свидетельств очевидцев, что создает у нас яркие образы и впечатления. Воспоминания детей войны в кругу своих сверстников и представителей молодого поколения создало особую атмосферу принадлежности к потомкам участников Великой Отечественной войны, и в некоторой степени формировало коллективное самосознание о величии победителей и определенные представления о прошлом, которые могут разделять члены конкретной социальной группы, в нашем случае, сотрудники ИИЕТ РАН.

Сегодня, когда мы празднуем 80-летие Великой Победы, в России и ряде бывших республик Советского Союза, проводится множество масштабных мероприятий: конференций, «круглых столов», концертов. Не остались в стороне от этого события и сотрудники ИИЕТ, которые на страницах научных и научно-популярных изданий освещают вклад советских ученых в реализацию задач фронта, выступают с докладами, дают интервью в СМИ. Однако в этом праздничном калейдоскопе есть большая вероятность забыть и отодвинуть на второй план тех ииетовцев, которые действительно являются живыми свидетелями военного лихолетья, но по ряду независимых от них причин не принимают участия в мероприятиях к юбилею Победы. Поэтому предлагаемые устные рассказы историков науки и техники о войне, записанные три года назад, позволят исправить сложившуюся ситуацию и расширить у читателей не только представления о наших старших коллегах, но и о тяготах, выпавших на долю детей Великой Отечественной.

Сенченкова Евгения Михайловна (род. 23 сентября 1930), д-р хим. наук, главный научный сотрудник Отдела истории биологических и химических наук ИИЕТ РАН: Я очень много помню. К началу войны, еще одиннадцати лет мне не исполнилось. Я уже перешла в 4 класс. Я уже была взрослая. Особенно мне запомнилось именно первое полугодие войны, потому что было оно самое трудное и тревожное. Жила я в городе Подольске. Осенью наш город оказался чуть ли не прифронтовым. С этим

временем связаны, так сказать, самые большие впечатления, тут и объявление войны, и тревоги за уходящих на фронт, и волнение за тех, которые только должны были стать военнослужащими. У меня брат на тот момент был военнослужащим, и в первый же день войны он оказался уже в боевых условиях. И судьба у него была такая, что по ней можно писать целый роман. Сразу он выпал из нашего поля зрения: ни похоронки, ничего. Мы ждали, что он уже погибший, а обнаружилось в 1943 г., что в боях при отступлении в Краснодарском крае он был контужен, сильно ранен. Его ночью подобрал кто-то из казаков, и прятали его целых два года. Его поставили на ноги, потом отправили на фронт, и он нам написал. Одного из дядей тоже отправили на фронт, и он вернулся через 3 года. Можно долго рассказывать обо всей родне. Лично мы испытывали большие неудобства, поскольку, как полагается, в прифронтовом городе начались налеты. Вся беда наша была еще та, что бомбили основное предприятие города – Подольский механический завод. Там работал и мой отец. Мы жили напротив железной дороги. Вдоль по этой железнодорожной ветке где-то располагалась нефтебаза. Сначала разведывательные немецкие самолеты бросали там зажигательные бомбы. Потом пошли уже воздушные тревоги при крупных бомбардировках. Мы рыли ямы, прятались. Можно обо всем этом написать целую книгу.

Еремеева Алина Иосифовна (род. 4 мая 1929), канд. физ.-мат. наук, в 1954–1967 гг. работала в ИИЕТ АН СССР: Моя судьба была такая, что, мне в 1941 г. исполнилось двенадцать лет. И вся наша семья, и папа, и мама, они все жили в Москве давно – с 1927 г., но родом они все из Курской губернии, рядом с Украиной. Украинский язык, украинские песни, все это было так близко. Родители всегда мечтали, чтобы мы отдохнули на Украине. И вот в 1941 г. мы оказываемся под Полтавой. Мы приехали туда

Рис. 1. Еремеева Алина Иосифовна. Весна 1941 г. и 2019 г.

с бабушкой: два моих брата и я. 13 июня. Глубинка, село Лютенька под Полтавой. Совершенно изумительное место. 22 июня началась война. Два моих двоюродных брата вбежали в избу-мазанку: «Ура! Бей немцев! Айда!» – одному двенадцать лет, другому четырнадцать. Начали слушать маленький приемник у хозяйки. Сбито столько-то самолетов. А в Москве в семье паника. Дети под Полтавой! Началась война. Мой дядя работал в Совнаркоме, он был как раз отцом этих двух братьев. Когда мы только собирались туда ехать, он говорил: «Идет война. Вообще сейчас ехать туда опасно». Но так хотелось мне поехать. Не чувствовалось еще тогда войны. И все-таки мы поехали. И вот встала проблема, что делать детям под Полтавой. Мой дядя сказал моему отцу: «Иосиф, тебе ехать туда нельзя из Москвы». Он умеренно военнообязанный был, т.е. условно.

Мама сказала: «Делай что угодно! Ты должен спасти детей». 8 июля отец был уже у нас под Полтавой. Как мы выбирались, это вообще было чудо, потому что это была очень большая глубинка. Сначала мы попали в Галич, потом с последним автобусом приехали в саму Полтаву. В Полтаве мы впервые столкнулись с колоссальным количеством беженцев из Житомира. Впервые увидели людей, женщин в грязных платьях. Их обстреливали. Потом нам предстояло доехать

Рис. 3. Еремеева А.И. двоюродными братьями.
Приблизительно 1934 г.

Рис. 2. Еремеева А.И.
в возрасте 3 лет с мамой.
Приблизительно 1932 г.

до Харькова. А в Харькове нам нужно было взять билеты на поезд, чтобы выбраться в Москву. Харьков уже собирались бомбить. Отцу нужны были документы, что он вывозит детей совнаркомовских. Ему дают только билет на меня, но не на моих братьев, так как в паспорте о них записи нет. Потом эти билеты и не понадобились, потому что на вокзале было море народу. Какие уж там билеты! С помощью начальника этой

Рис. 4. Еремеева А.И.
двоюродными братьями. 1951 г.

станции нас пропихнули к вагону. И мы на фартуке¹ между двумя вагонами: бабушка семидесятилетняя, мы трое и отец туда взгромоздились с помощью военных и ехали всю ночь. И впервые я увидела тогда падающую звезду. Вот такие впечатления.

13 июля мы были уже в Москве, а 18 июля нас уже отправили в эвакуацию в далекую Елабугу. Там мы жили два года. Отец и его коллеги сначала пошли и подали заявление в военкомат. Им сказали: «Ждите». Двух его сотрудников взяли на фронт. Его мобилизовали на авиационный завод. И в Кирове, ныне Вятка, этот завод выпускал самолеты. Был такой замечательный фильм «Особое задание»². Это буквально копия того, что происходило с моим отцом. Грузили оборудование, когда выезжали в августе, даже уже в октябре. Станки

работали до последнего. Грузили на платформы. Начали работать в Кирове, когда ни цехов, ни крыши не было. Когда наладили производство, вы представляете, какими были условия (этого производства. — Р.Ф., П.З.). Вы представляете, один цех авиационного завода, Московского 32³, который был туда эвакуирован, один цех работал, выпуская — что бы вы думали? — выпуская гробы. Был такой голод, такая дистрофия. Отец совершенно погибал от дистрофии. Если бы мы его не подкармливали, когда в Елабуге жили, то было бы уже печально, но выжили. Даже когда под Сталинградом была страшная битва, с этого завода стали брать рабочих, призывать их. А специалистов, инженеров, мой отец был инженер-изобретатель, их не брали. Мой отец очень отличился. Они выпустили такую деталь для бомбы — сбрасыватель. Они ее улучшили. Причем улучшили ее сразу на тысячу процентов. Вообще, если сравнить фотографии довоенные и военные, то это два разных самолета. Короче говоря, все выдержали, но с трудом.

¹ Фартук — это переходная площадка между двумя пассажирскими вагонами.

² «Особое задание» — фильм режиссера Евгения Матвеева, снятый на киностудии Мосфильм и вышедший в прокат в 1980 г. Картина посвящена героизму тружеников тыла, которые в годы Великой Отечественной войны были заняты на производстве самолетов Ил-2.

³ Московский авиационный завод № 32 (сегодня Вятское машиностроительное предприятие «АВИТЕК», г. Киров) был создан в октябре 1931 г. решением Государственного всеобъединения авиационной промышленности ВСНХ СССР путем выделения специализированного производства по выпуску агрегатов авиационного вооружения из состава первого авиационного завода ГАЗ № 1.

Рис. 5. Еремеева А.И. (сидит вторая слева в нижнем ряду) с учителями и одноклассниками (9 класс). Ноябрь 1945 г.

Мой отец до войны инженер-изобретатель сельскохозяйственных машин. Его специальность – машины для уборки сахарной свеклы. Первый свеклоуборочный комбайн – это его изобретение. Это совершенно потрясающая история. Дело в том, что перед войной, буквально в первые дни февраля, он получил одно из своих авторских свидетельств. А макет

Рис. 6. Еремеева А.И. (крайняя справа) со своими товарищами. Ленинград. Август 1946 г.

машины они отправили в Одессу на Ворошиловский завод. И вот когда он в военное время с трудом вырвался с этого военного завода и вернулись два его соавтора с фронта, они стали искать следы этого комбайна. А макет, я напомним, отправили в Одессу. Для меня Одесса родной город. Там жили братья моей мамы. А в Одессе у нас были родственники. И туда отец поехал, чтобы расспросить, что осталось от этого Ворошиловского завода. Конечно, ничего... Там же оккупация была. И тут рабочие ему говорят: «Попробуйте порыться вон там, в груде металла». И когда они раскрыли это через несколько дней, оказалось, что какие-то потрясающие патриоты во время оккупации спрятали их макет машины. И он оказался в целости. И в 1952 г. первый трехрядный свеклоуборочный комбайн был отмечен Сталинской премией. Так что понимаете, какая героическая судьба.

Кривонос Юрий Иванович (род. 25 августа 1930), канд. техн. наук, с 1984 по 2018 гг. работал в ИИЕТ РАН: Меня и мою семью война застала в Харькове. Отец мой был директором металлургического проектного института и проектировал предприятия металлургии. Когда началась война, у мальчишек главное было развлечение такое. Над Харьковом все время летал немецкий самолет разведчик. Он летал на такой высоте, куда зенитки не доставали. Наши зенитки все время стреляли и от разрывных снарядов зениток разлетались осколки. Осколки падали на крыши наших домов. Была игра. Надо было услышать, в каком месте упал осколок, и найти этот осколок на крыше. И потом осколки были предметом торга, обмена, коллекции. Эвакуировали институт отца на Урал. Причем из института сделали несколько бригад. Мы были в бригаде, где была дирекция – в Златоусте.

Златоуст тогда играл, можно сказать, очень важную роль, потому что для военной техники нужны были определенные марки стали. На Златоустовский металлургический завод почти каждый день приходили эшелоны с разбитыми немецкими танками. И можно было пролезть на завод. А потом пролезть в танк. И в танке мы находили и предметы немецкого быта, и немецкие гранаты. В общем было очередное развлечение, пока не установили очень жесткую охрану. И «экскурсии» на металлургический завод окончились. У меня младший брат. Ему было шесть лет. А мне уже было одиннадцать. Единственная игрушка, которую удалось взять, когда мы эвакуировались, это был аლოსкоп⁴ – проекционный аппаратик, на котором можно было проектировать слайды и киноплёнки разные. Я зарабатывал, имея этот аппарат. В детский сад, в котором был мой брат, меня приглашали примерно раз в месяц. И я показывал детские кинофильмы. За каждый сеанс мне заведующая детским садом давала сладкую булочку. Эта булочка осталась у меня в памяти на всю жизнь. А когда в 1944 г. мы уже вернулись в Харьков, после эвакуации, самое сильное, пожалуй,

⁴ Аლოსкоп – это проекционный аппарат для демонстрации диафильмов, подвид фильмоскопа. Состоит из двух основных частей: фонаря-осветителя и проекционной головки, смонтированных на подставке с понижающим трансформатором для переменного тока. В переднюю стенку аლოსкопа вмонтирован объектив из двух входящих друг в друга трубок с двумя двояковыпуклыми линзами.

воспоминание – это празднование 1 мая и первого дня Победы. В Харькове каждый раз на площади Дзержинского устанавливали разборную трибуну, где руководство области и города приветствовало горожан. Потом после Первого мая ее разбирали. В этот раз после Первого мая, предчувствуя, что трибуну нужно сохранить, ее сохранили. И вот Первого мая прошла демонстрация, а 9 мая толпа, в которой я тоже был, окружила эту трибуну. Подошел на трибуну какой-то старичок и прямо на трибуне из охотничьего ружья салютовал в честь Дня Победы. Не знаю, как чувствовали себя те, кто был за трибуной, но это было очень, очень занятно. После 9 мая начались уже свои будни.

Мочалов Инар Иванович (20 января 1932 – 26 марта 2024), д-р филос. наук, с 1978 по 2018 г. работал в ИИЕТ РАН: Уважаемые коллеги! Начало войны застало меня в станице Тихорецкой Краснодарского края. Налет был неожиданный на станцию Тихорецкая. От нее фактически остались руины. Мы были там с родными. Мы увидели то, во что она превратилась, и с чего началась война. Войну мы почувствовали полно и сразу под этой зверской бомбардировкой, которую устроили немецкие «Юнкеры»⁵ – немецкие бомбарди-

Рис. 7. Мочалов Инар Иванович. 2011 г.

ровщики. И тогда же стало понятно, хотя, честно говоря, осознание случилось позже, что миф о том, что фашисты застали нас неожиданно, что это было неожиданное нападение, все это было чистой фальсификацией. Бомбоубежище начали рыть мы прямо в нашем саду до начала войны, примерно за месяц, за два. За полтора месяца. В июне бомбоубежища были готовы. Причем очень квалифицированные,

у под этой зверской бомбардировкой, которую устроили немецкие «Юнкеры»⁵ – немецкие бомбарди-

Рис. 8. Мочалов И.И. (справа) со школьным другом Марком Кисельманом. 1949 г.

⁵ «Юнкеры» – самолеты немецкой авиакомпания Junkers, основанной изобретателем, инженером и конструктором Хуго Юнкерсом.

очень хорошие бомбоубежища. И когда война началась, наши соседи, и мы все оказались в этом бомбоубежище. Вот так обстояло дело.

Борисов Василий Петрович (род. 6 марта 1937), д-р техн. наук, главный научный сотрудник ИИЕТ РАН: Я родился в 1937 г. И мое раннее детство оказалось непосредственно связано с нашей армией, поскольку мой отец был кадровым военным, а затем с войной. Я хотел бы показать своего отца с моей мамой (показывает фотографию. – *Р.Ф., П.З.*). Вот они слева на снимке, в 1936 г. Одеты по моде тех лет. Под Орлом они отдыхали и здесь моя сестра, которая на два года родилась меня раньше. Меня еще в этот момент не было. Я появился в следующем году. Так вот. Мой отец узнал, что такое война, раньше, в 1939 г., когда был вооруженный конфликт между СССР и милитаристской Японией. Он участвовал в

Рис. 9. Борисов Василий Петрович. Детская фотография и фотография 2022 г.

боях при Халхин-Голе, очень жестоких, очень много там людей погибло и потом еще кроме этого. Над теми, кого японцы взяли в плен (слава богу, мой отец, как артиллерист не попал в руки японцам), еще и издевались. Вот это такой печальный факт, вспомнил, поскольку хотел сказать, что началось все раньше, в 1939 г., когда мне было два года. Поэтому мое детство после Орла проходило в Нижнеудинске, поскольку отца передислоцировали в Забайкальский военный округ, где формировался 57 особый корпус под руководством комдива И.С. Конева и Н.В. Фекленко⁶. И вот в составе этой дивизии он (отец. – *Р.Ф., П.З.*) потом сражался с японцами, и

⁶ 57-й особый корпус – общевойсковое формирование в Рабоче-крестьянской Красной армии Вооруженных сил Союза ССР, созданное 4 сентября 1937 г. приказом Народного комиссариата обороны (НКО) СССР № 0037, на территории Монгольской народной республики с оперативным подчинением НКО. Комдивом 57-го особого корпуса был назначен Иван Степанович Конев (1897–1973). С сентября 1938-го командиром корпуса стал Николай Владимирович Фекленко (1901–1951).

в 1939 г., и в 1945 г. Хотел еще показать фотографию, сделанную в 1945 г. На ней он с моей мамой и уже тут у него награды, орден.

Постников Алексей Владимирович (род. 28 марта 1939), д-р техн. наук, главный научный сотрудник ИИЕТ РАН: Совершенно удивительно, что нас с Василием Петровичем связывает очень дружеская служба на полях ИИЕТ, где он был моим верным заместителем, когда я был директором, а потом и исполнял обязанности директора института. Но вот из сегодняшнего, хотя и очень короткого выступления я понял, что нас связывает нечто большее. Нас связывает вообще история Великой Отечественной войны и того, что ей предшествовало. Он рассказывал насчет Халхин-Гола. А мой папа на Халхин-Голе не сражался, но он в это время работал в тылу против японской армии. Я имею в виду моего папу Владимира Михайловича Константинова⁷. И он обеспечил нашу победу на Халхин-Голе. А затем началась война. Я родился до нее, но естественно она

Рис. 10. Постников Алексей Владимирович. 1944 г. и 2019 г.

не могла не сказаться на моей судьбе. Мама была военным инженером, закончила в 1938 г. Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева. И потом сразу, естественно, стала офицером, сапером, строителем, особенно когда началась Великая Отечественная война. Понятно, я был совсем крохой, когда она началась. Поэтому мама не могла меня так оставить, тем более что отца у меня не было, он в это время уже сидел в ГУЛАГе. Мы переехали в Бийск, куда маму направили в военное инженерное училище преподавать саперное дело. Там я жил со своей бабушкой. И у меня вообще память на ранние периоды моей жизни плохая. Но, по

⁷ Владимир Михайлович Константинов (1903–1967) – советский историк, востоковед, специалист в области российско-японских отношений. Сотрудник дипломатического корпуса СССР, а затем Академии наук СССР.

**Рис. 11. Алеша Постников.
В эвакуации в городе Бийске
(степной Алтай). 1944 г.**

крайней мере, три сюжета из периода Великой Отечественной войны я помню очень хорошо. В 1943 г. мама не могла сидеть на месте, не могла просто преподавать саперное дело и выпросилась на фронт. Я остался с бабушкой. Бабушка умерла у меня на руках. Мне было четыре года. Мамы нет. Она на войне. Но это не значит, что я или бабушка были брошены на произвол судьбы. Командование тут же вызвало мою маму с фронта. Она появилась в Бийске через месяц. Я, конечно, совершенно не представляю, что там со мною делали в течение этого месяца. Но появившись там через месяц, и снова приступив к обязанностям преподавателя саперного училища⁸, она, понятное дело, стала искать мне кого-то, кто бы мог за мною ухаживать. Хотя у нас были денщики, как в военное время у всех

старших офицеров, как, наверное, знают те, кто жил в то время. Но денщик – это покалеченный солдат войны, который мог затопить печь, элементарные вещи сделать в избе. Маме надо было найти мне человека, который бы со мною как-то сидел. Этот второй сюжет, который я помню, и мне, естественно, рассказывала его мама. Она пошла искать мне какую-то няню. И на рынке обнаружила нищенку, в совершенно жалком состоянии. Была зима. Она была в лохмотьях и просила милостыню. Мама увидела в ней человека очень достойного. И она ей говорит: «Пошли со мной». Пришли в избу. Мама ее спрашивает: «Ты кто такая?» Она ей отвечает: «Да я Ульяна Ефимовна – монашка Серпуховского монастыря. Отсидела десять лет за религиозную пропаганду». Надо сказать, что она была абсолютно неграмотная. Она писать не могла. Единственное, что она могла, она могла свободно читать тексты на церковнославянском языке. Мама ее потом спрашивает: «Матушка, а дальше?» Отвечает: «Ну, меня выпустили с желтым билетом. Ну что я? Я оказалась здесь в Бийске. Меня отвезли. Бросили на станции. И вот теперь мне невозможно куда-нибудь устроиться работать». Мама спрашивает: «А у тебя, Ульяна Ефимовна, паспорт есть? Дай мне паспорт». Ульяна Ефимовна дала ей паспорт. Зима была. В это время полыхала русская печь. Мама взяла паспорт и в печку. Ульяна Ефимовна заплакала: «Матушка, ну что же ты делаешь?! Я же теперь совсем пропала!» «Не бойся, Ульяна Ефимовна».

⁸ В г. Бийске находилось в то время Мичуринское военно-инженерное училище.

На следующий день моя отважная мама пошла к коменданту и говорит: «Вы знаете, приехала ко мне тетка из Курской области. Потеряла паспорт. Зовут ее Ульяна Ефимовна Колесникова». Она назвала точно совершенно имя, отчество и фамилию. Комендант ответил: «Товарищ Постникова, какие проблемы?» И тут же выписал новый паспорт. И таким образом я получил на все свое детство и юность свою собственную Арину Родионовну, а Ульяна Ефимовна получила на всю свою жизнь абсолютно безопасное существование в нашей семье до глубочайшей старости. Вот это одно воспоминание.

Назаров Анатолий Георгиевич (род. 6 июня 1938), д-р биол. наук, с 1988 по 2022 гг. работал в ИИЕТ РАН: Почему я решил выступить, хотя действительно написал воспоминания для себя, для внуков, для близких людей? После того как проснулся и услышал, как по телевизору показывают, как эти подонки хотели на Бессмертный полк войны пронести портреты Геббельса, Гитлера. Вот этого я вынести не мог, потому что напротив была фотография моего погибшего отца, и он как будто говорил, что, дескать, не должны это пропускать. И вот я за ночь, за две и дальше написал и сейчас действительно заканчиваю, не знаю для чего, может быть, для публикации, может быть, действительно останется. Но я хотел вот что сказать. Дети войны. Что это такое? Мне сказали, что нужно пойти в собес. Там зарегистрироваться. Иду в собес. Так жить, как там живут, это надо, так сказать, еще родиться. Все такие хоромы. По одному два человека сидят (в кабинете. — *Р.Ф., П.З.*). Когда очередь дошла до меня, они говорят: «А что?! Вам-то какая разница? Ну, дадим мы вам пять тысяч». Вот это дети войны. Я не стал брать эти пять тысяч. Я решил все-таки написать и сейчас скажу, в чем смысл. Вот я послушал. Хорошо. Замечательные выступления. И вот вопрос: а что делали мы, которым было четыре, пять, шесть лет? Вот те дети войны, которые не просто жили, а попали в фашистскую оккупацию. Вынуждены были какое-то время, год, два, кто как, жить там. Для меня война началась, и таких как я по возрасту, в 1941 г. В 1941 г. мы ехали с мамой из города Каменец-Подольск — это самый конец Западной Украины — в Москву обратно. Я уже начал засыпать, и вдруг резкий такой скрежещущий звук, стук, кто-то даже чуть не упал с полки. Оказывается, как потом сказали, мимо пролетала эскадрилья немецких самолетов.

Поезд остановили. Мы выбежали. Оказывается, в последний вагон попала бомба, и от нее загорелся вагон. Люди были с ожогами. В наш вагон попала девочка с мамой. У девочки были ожоги. Она так плакала, ей было больно, и нечем было ее утешить. Нашлись несколько переносных аптечек и военные что-то приложили, и она успокоилась. Это была первая наша встреча с будущим фашизмом. Мы приехали и там уже слышали слово «война». Война. Мы москвичи. Немцы шли в Москву. Было очень тяжело. Нам сказали: «Езжайте на юг». Мама была родом из Краснодара, окончила там пединститут, там жили мамины родители. И вот мы поехали. Я не помню, как мы ехали, как мы спали на вокзалах, пропуская поезд, потому что уже тогда началась эвакуация. Мы приехали в Краснодар, туда, куда не должны были дойти немцы. Вы знаете, вот сейчас как

историки науки вы, наверное, слышали, что Сталинград – это святое место, и никто это не оспаривает, но самые большие бои, имеющие судьбоносное значение, все-таки были на Кавказе. Именно туда были брошены немецкие отборные войска. Часть их пошла по главному Кавказскому горному хребту, а остальные рвались к нефти, к Баку. Мои родители, дедушка, бабушка и другие члены семьи жили в хуторе Суповский, это 18 километров от Краснодара, это Адыгея. Кстати, ни одного предательства со стороны адыгов не было. Они защищали свою землю. Итак, мы приехали. Первые два-три месяца – это было настоящее детство. Это была любовь моей бабушки, дедушки, моего двоюродного брата, сестренки и очень хорошая природа, рядом леса и так далее. И вдруг мы проснулись от какого-то грохота. Дедушка выбежал и говорит: «Диты ховайтесь!» Дедушка хоть и не украинец был, но говорил как-то часто по-украински. Немцы в трех километрах бьют прямой наводкой.

Мы все в подвал спрятались. На следующее утро к нам, а наш дом прямо в центре хутора, а напротив него был Дом культуры, пришли немцы. Как мы дети воспринимали это явление новое? Слышим шум какой-то. Мы с Эдиком, моим братом, выходим. «Диты ховайтесь!» – говорит нам дедушка. И тут врывается какое-то зверье с автоматами. Один автомат мне прям в шею приставил, и тогда в первый раз я услышал слово «Хайль». Но потом входит, как хозяин, в начищенных сапогах, бабушку мою локтем от окна оттолкнул и начал что-то невнятное говорить по-немецки. И тут явилось чудное видение. Наша сестренка, Инночка, в рубашечке с рюшечками. И этот фашист подходит к ней и спрашивает, тетя Валя перевела потом: «Как тебя зовут?» Она говорит: «Инна». Он: «Инна». Он хотел ее погладить, но она отстранилась. На следующее утро вышел денщик и сказал, что «этот дом будет для офицеров, и что вам нужно съехать отсюда. Я буду готовить им пищу из немецких продуктов». Они боялись, что их отравят. Правильно боялись. Нас всех выбросили к опушке леса. И там, где был ледник, где продукты, дедушка там их хранил, а потом отдал на хранение партизанам. Там мы сделали жилье для шести человек. Около двух лет мы жили, это не подвал, просто землянка с одним окном. Ночью был шум. Кто-то постучал. Сначала мы ничего не поняли, но сели на кровати. Дедушка сказал: «Тихо», и вышел. Потом вышла тетя Валя. Они внесли мужчину, довольно крупного, очень сильно раненного, где-то в области позвоночника. Он не мог двигаться. А бабушка наша, она когда-то какие-то курсы перед Первой мировой войной проходила медицинские. Она начала перевязывать бойца. Дедушка говорил, что если придут немцы, то всех перестреляют, даже не будут спрашивать ничего. Раненый оказался командиром партизанского отряда. Дед мой был связан с партизанами. Ему за это памятник на сельском кладбище поставили. И вот началась борьба за жизнь этого партизана.

Мы, конечно, многого не понимали, но бабушка сказала: «Вы должны помогать мне». Ну как помогать? Он такой тяжелый! Травма позвоночника! Его нужно было как-то сажать. Она перевязала все, что только можно, у нее были травы, мази, в общем, лечила, как только могла, а мы

помогали. Надо было его держать, надо было как-то его переворачивать, надо было как-то его перебинтовывать. Это было наше с Эдиком занятие. А Инночка стояла на стреме. Ведь тут же были немцы. Все в пределах метров пятидесяти. Наш дом взяли немцы, мы сами жили за опушкой, а его мы перенесли, туда, где жила корова, так как сзади коровы было сено, дрова. Дедушка спрятал его между сеном и дровами, и еще ему сено подложил с задней стороны. Вроде спереди стояла корова, и его было совсем не видно. И мы полтора или два месяца ухаживали за ним. Он очень долго приходил в себя. Однажды мы заходим к нему, а у него рядом черный пистолет. Он не хотел сдаваться. Потом время подошло к Новому году, уже к зиме. Опять подъехала тачанка, и пришли несколько человек и на носилках его отнесли. И вот прошло почти двадцать пять лет. Я приезжаю в Ригу, там в это время мама моя была, и она показывает мне письмо от Министерства обороны, подписанное министром обороны. На самом деле, это было письмо этого бывшего партизана. В этом письме он говорит, что я, наконец-то, нашел ваш хутор и вашу семью по именам Эдика и Толика. Запомнилось ему. В этом письме была грамота от Министерства обороны, благодарность. Он пишет, что он полковник в отставке и в Одесском институте заведует кафедрой. Я, к сожалению, дальнейшую судьбу его не знаю. Это было первое наше испытание. Дедушка был связан с партизанами. И вот к нам пришли два полиция. Мне даже смотреть на них было противно. Дедушка нас выгнал. Конечно, мы вышли, но все слышали. Последнее, что я услышал в этой беседе, что дед сказал: «Если донесешь тебе не жить. За меня есть, кому отомстить». И те полицаи убрались. Эти вот такие маленькие, казалось бы, действия, которые мы, малыши, делали. Я сейчас думаю, что мне тогда в начале войны было пять лет, но мы настолько уже были взрослыми. С нами уже не обращались, как с детьми. С нами обращались, как со взрослыми. У нас были свои обязанности. Единственная загадка: непонятна нам фигура этого денщика. Мы привыкли, что немцы – фашисты. Но первое, что он сделал, когда уходил офицер, он на колени посадил нашу Инночку и показал снимок девочки, точь-в-точь на нее похожей.

Стоит трактор, он там стоит (возле трактора. – *Р.Ф., П.З.*). Валя мне сказала, которая все-таки могла общаться на немецком, что его просто взяли, мобилизовали. Когда начался голод у нас, голод страшный, нам немцы запретили сажать огороды. И вот немцы свинку там зарезали. Молодую свинку. Не надо было еще ее резать. Фашист любил мясо. Денщик принес нам два больших куса мяса для детей и для взрослых. Если бы узнал его офицер, то его бы расстреляли. И дальше мы выполняли все мелкие задачи. Связь с партизанами продолжалась. Но нас не допускали, мы еще маленькие были для этого. К ним ходил дедушка, за огород, и там лес начинался. Чтобы мне было бы интересно сейчас понять, как мы могли все охватить. Все-таки пять, шесть лет нам было. Я помню все, я помню каждую мелочь, я помню запах. Может быть, это какая аномалия. Когда я был научным сотрудником Радиобиологического совета Академии наук, откуда я пришел в ИИЕТ, там была заведующая, профессор и

доктор наук Бурлакова⁹. Я, когда нажаловался Бурлаковой, она сделала снимок и сказала, что у меня гипертрофированно развита часть полушария, отвечающая за воспоминания. Это ничего страшного, но надо привыкнуть жить с этим. И вот я живу с этим. Два последних эпизода, которые сущность фашизма обнажают. Первое – это казнь через повешение двух партизан, которых они захватили. Как это все делалось. Между нами и следующим домом двоюродного брата деда, с большой такой верандой, плетень убрали, положили. Заставили наш двор людьми, которых только могли собрать, и вот казнили. Повесили. Там кричали дети. А вешали очень просто. У одного под ногами был ящик, а у другого ведро. И по ведру сапогом. И когда это случись, когда ударили по ведру, и закачался повешенный, у нашей Иннульки, нашей сестренки, случился срыв. Она билась, что-то кричала. Я рот ей пытался закрыть, потому что уже начали на нас смотреть люди, что происходит. Бабушка говорит: «Люди, давайте вперед, давайте загородим ее». Она нашла какую-то ложку. Дала ей в рот. Зубы у нее не разжимались. Мы за нее молились, чтобы она выжила. И последний случай, после чего меня в семье прозвали защитник. Как это так получилось? У нас артезианская скважина с хорошей водой находилась от нас где-то на расстоянии около километра.

Немцы, когда мы были полностью оккупированы, запретили нашему населению туда ходить за водой. Но, когда часть немцев стала уходить, и у нас уже бочка с водой закончилась, и за водой нужно было пойти, мама взяла коромысло, я взял ведерочко, и мы пошли. Шли через клуб, и в этом клубе были немецкие солдаты, и они уже тоже уезжали. И тут подбегает какой-то солдат и с матерью говорит. Мама моя была действительно красивая женщина. И говорит ей: «Сталин – капут!» И она поставила ведра и отвечает: «Нет! Гитлер – капут!» Он опять: «Сталин – капут!» И так несколько раз пререкались, и потом он срывает автомат с плеча и начал уже на нее наставлять. Я не знаю, что и как это объяснить, но я взял и встал впереди мамы, руки расставил и устоялся прямо на него. А там они кричат ему, что ехать надо, что уже стоит машина. А между нами и машиной метров двадцать. Я не знаю, можно ли говорить, что я сделал это осознанно. Нет. Это был какой-то инстинкт. Мы с ней так и не пошли за водой. Машина отъехала. И дедушка так маму ругал! У мамы началась истерика. Дедушка ей говорил: «Ты понимаешь, что делаешь! Зачем тебе с немцами еще балакать!» «Ну вот, не выдержала!» – она говорит, – «Пресмыкаться уже надоело!» После этого меня называли защитником. Потом начался голод. Настоящий голод. Это даже не когда хочется есть все время, это когда уже ничего не хочется. Когда наши подошли к Краснодару, началось освобождение, нас кто-то осмотрел и сказал, что детей нужно срочно везти в Краснодар. Сначала нас не хотели никуда везти. Но потом нас все-таки отвезли через несколько дней, меня и брата Эдика. Краснодар

⁹ Бурлакова Елена Борисовна (1934–2016) – доктор биологических наук, профессор, биолог, специалист по исследованию процессов перекисного окисления липидов, принципов действия антиоксидантов, эффектов сверхмалых доз различных агентов.

оказался одним из самых разрушенных городов. Там все снесли: больницы, культурные учреждения – одни руины. Нас поместили в воинской части. Все, что могли, они сделали, но сказали, что очень мы плохие. Нас положили в разные палаты, мой брат там же умер. И дедушка тоже умер. Не перенес.

Дедушка – Карл Григорьевич Пекур – революционер. Он работал в подпольной типографии, листовки распространял. Сейчас ему есть памятник, а у подножья захоронен любимый внук. Дядя Леня, муж маминей родной сестры, тети Вали, погиб. Пришла похоронка. Когда присутствуешь при чтении похоронки, как это можно выдержать! На моего отца похоронки не было, но потом мы делали запрос, он погиб, и сейчас он увековечен в Книге Памяти на Поклонной горе. И вот, заканчивая, я хочу сказать, что вот таких, как мы, были тысячи, может, даже больше. Мы что-то делали. Поэтому, когда говорят о детях войны, мне кажется, что это надо как-то отметить. Вместо этого в нашем соцобеспечении говорят, что мы вам выплатим пять тысяч и будьте довольны. В общем, вот такая у меня история, которую я написал и назвал «Маленькая весточка от детей войны», пусть лежит пока, а дальше, посмотрим. Спасибо!

Аксенов Геннадий Петрович (род. 31 декабря 1940) канд. геогр. наук, ведущий научный сотрудник ИИЕТ РАН: Помните стихотворение Левитанского «Война участвует во мне»¹⁰? Она во всех нас участвует. Я знаю это на сто процентов. Она преломилась каким-то образом естественно и на меня тоже. И песни, все, которые мы тут пытались петь, они тоже из этой тарелки, черной круглой пронеслись через все мое детство. Где-то в 1965 г. началось празднование Победы. До этого как бы его и не было. Вернее, не было широкого празднования. Потому что слишком много памяти было. Нельзя было праздновать. В 1965 г. в моей родной деревне Бутырки, точнее родной для моего деда, которая находится в середине треугольника между Задонском, Ельцом и Липецком, военных сражений там не было. Зато ее жители участвовали в военных действиях. Памятник им сделали в 1965 г. Каждая буква была вырезана из пенопласта. Всего было отмечено 216 человек. Это не какая-нибудь станица, где проживают тысячи людей, а обыкновенное село, точнее три поселения: село с церковью и еще две маленькие деревни, объединенные одним сельсоветом.

Рис. 12. Геннадий Петрович Аксенов. 2025 г.

¹⁰ Стихотворение поэта-фронтовика Юрия Давидовича Левитанского (1922–1996) «Ну, что с того...».

Рис. 13. Аксенов Г.П. (на руках мамы) с родственниками. 1943 г.

Рис. 14. Дядя Г.П. Аксенова – Михаил Владимиров, летчик 452-го дальнебомбардировочного авиационного полка. Погиб под Днепрпетровском в 1943 г.

Это целый батальон людей погибших. Переходя уже к совершенно личным воспоминаниям, поскольку я дитя войны... Я родился за год до войны.

На снимке 1943 г. я сижу здесь (показывает первую фотографию. – *Р.Ф., П.З.*) очень радостный, так как ко мне приехал дядя, лейтенант уже с погонями. Дед фотографировал. Дядя, который закончил десятилетку прямо 18 июня 1941 г. Потом пошел в военное училище на три месяца. Потом попал под Москву. В битве за Москву его ранило, он там еле выжил. Потом еще одно училище артиллерийское, и уже дошел до Кенигсберга. Он остался цел. До Победы дошел. Вот он как раз на фотографии справа мой brave дядя Саша, а еще справа мой дядя Михаил (показывает вторую фотографию. – *Р.Ф., П.З.*).

Дядя летчик Михаил погиб в 1943 г. Я его помню прекрасно. Он тоже, как и дядя Саша, приехал вдруг во время войны, в отпуск каким-то образом. Обычно как перестроения, часть разбили, отводят

ее на 100 километров, переформируют, и в это время могут как-то офицеры приехать домой. Он летчик был. У него еще до войны мечта была всегда быть летчиком, и он в 1939 г. окончил в Махачкале Авиационный клуб и призван был, а потом началась война, и он начал летать. И моя бабушка говорила: «Миша, ты высоко-то не летай!» И когда он приехал, почему как раз я помню это прекрас-

Рис. 15. Дед Г.П. Аксенова (Иван Сергеевич Владимиров) и дядя (Александр Иванович Владимиров).

Воронежское пехотное училище. Сентябрь 1941 г.

но, он меня нес на плечах, до расставания. Он погиб, конечно же в полете, а все, кто погиб в полете, считались без вести пропавшими. А потом дед разыскал, и ему прислали справку, в каком году Михаил был призван. В каком месте он погиб, уже мы с моим двоюродным братом справку разыскали. Что можно ребенку помнить? Все можно помнить. Я помню, как войска шли через деревню, как на постой остановился там солдат и однажды у деда он попросил ножик. У деда был хороший ножик. Он отколол нам кусок от сахарной головы. Колотый такой сахар назывался. Я никогда ничего вкуснее в жизни не ел. И тушенку я тоже в первый раз в жизни ел американскую, потому что дядя Саша, который приходил с фронта и дошедший до Кенигсберга, иногда он приносил паек, который давали. И последнее воспоминание. День Победы помню прекрасно совершенно. Это когда все высыпали, часов десять-одиннадцать было, и все кричали: «Победа! Победа! Победа!» Ну и мы, естественно, только в войну играли. А во что еще? Конечно же, больше ни во что. И мы тоже все закричали: «Ура! Победа! Теперь нужно еще и американцев победить».

Демидов Сергей Сергеевич (род. 30 декабря 1942 г.) д-р физ.-мат. наук, профессор кафедры теории вероятностей, заведующий кабинетом истории и методологии математики и механики механико-математического факультета МГУ, с 1972 по 2016 гг. работал в ИИЕТ РАН: Друзья мои! Я менее всего имею право говорить. Я родился 30 декабря. Ну что я могу в принципе помнить? Что-то. Какие-то обрывки все-таки присутствуют. Но самое главное, когда я рос и воспитывался, все, кто рос и жил в то время, все помнят эту атмосферу. Люди возвращаются с войны. Жизнь бедная, тяжелая. Вы помните этих несчастных инвалидов? Тогда же не было инвалидных колясок. Они передвигались на самодельной тележке с шариковыми подшипниками и отталкивались деревянными костылями. Жили бедно, но подъем был необычайный.

Бельчич Юлия Викторовна (род. 1 июля 1944) канд. ист. наук, заведующий архивом ИИЕТ РАН: 1 июля 1944 г. город Мелитополь, который только освободили тогда от фашистов. Но в оккупации еще была моя тетя и моя бабушка. Мама приехала с Кавказского фронта. Она лейтенант медицинской службы, два ордена Красной звезды, один за то, что отвечала за переправу через Днепр, когда ей было 21 год, родных и близких, и раненых. Вот за это она и получила первый орден. Это не она говорила. Это уже все мы узнали о своих близких после их смерти и в последние годы.

Рис. 16. Бельчич Юлия Викторовна. Приблизительно 1948 г. и 2019 г.

Дома никогда о войне не говорилось. Она приехала в Мелитополь. А дедушка в Сумах был застрелен, и похоронили в его общей могиле. Узнали мы, где это массовое захоронение, только в 1997 г. Отец был отправлен воевать дальше. Прошел Австрию, Венгрию и Берлин. С 1 апреля до 2 мая 1945 г. в составе 48 Львовской истребительной дивизии бомбил Берлин. Ни слова, никогда на эту тему. Тоже масса наград. И только уже совсем недавно, лет пять назад, мы все узнали. Мама после моего рождения работала в госпитале. Так как очень все сложно было в городе, ко мне приставили няньку. Это был немец. Алексею Владимировичу удалось найти вторую Арину Родионовну. А у меня был немец, я не знаю, как его звали. Ганц? Фридрих? Может быть, он тоже потом стал каким-нибудь крупным ученым. Я его не помню. Но меня он водил за ручку. Почти что учил ходить. И делился со мной он своим сухим пайком. В том числе впервые я узнала, что такое макуха. Такое было название. Жмых и черный хлеб в марлечке. Это то, что в госпитале давали. Рядом была церковь огромная. Я себя стала помнить где-то с четырех лет. И почему-то первый факт из моей жизни, я помню священника. Оказалось, что я взяла у мамы

коробочку с наградами и с другими детками постарше мы пошли гулять и решили устроить секретики¹¹. Кто что секретил. Я секретила награду. Спасибо священнику. Он привел меня домой. Узнал, где я живу. Как мама рассказывала, она стирала белье, и в это время входит священник в ее конуру, меня приводит и спрашивает: «Это ваше?» «Наше». «А это ваше?» (спрашивает священник, показывая награду. – *Р.Ф., П.З.*). «И это наше». В общем, мы нашлись. Это одна из историй, которую я начинала помнить. Отец вернулся с фронта, и нас отправили в Забайкальский округ. Это тайга, недалеко от Улан-Удэ. В семьях молодых летчиков почему-то были только мальчики. Я одна была девочка. Но, наверное, стоила всех остальных мальчиков. Потому что звали меня атаманшей, Юлей Табуреткиной. Не знаю за что. Мне кажется, что это было напрасно (Юлия Викторовна улыбается. – *Р.Ф., П.З.*). Но папа учил меня так, что если кто-то меня будет обижать, то бери, что у меня в руках и бей! Но так это все пошло по жизни. Еще один момент. В тайге мы таскали спички, особенно кто был постарше, и поджигали траву сухую. Нам нравилось, как она идет пламенем. Чем занимались в тайге молодые летчики, только что вернувшиеся с фронта? Оказывается, испытывали реактивные бомбардировщики. Всего одна полоса была, железная дорога, и нас, детей, водили на аэродром. Мне тоже очень хотелось пойти. Но почему-то мальчишка-соседа папа брал, а меня не брали. Отец поставил мне условие: будешь идти рядом, никуда не будешь отставать. И почему-то тоже врезалось в память, как я сучила ножками до самого аэродрома. Сидела раз в самолете. Почему-то осталось в памяти, что там был стул. Не знаю, что это было. Макет ли это был или еще что-то. Но я была горда, что я еще была и в самолете. Какие воспоминания?

Домики в тайге. Это так называемые финские домики, разделенные на четыре части. Кто-то заговорил о продуктах. Геннадий Петрович кушал тушенку. И про сахар тоже говорили. И я сразу вспомнила, как называется этот сахар большой – грудка. Макуха – это выжимки от мака. Жмых от мака. А потом, когда мы через какое-то время оказались около господина Великого Новгорода, там тоже Кречевицы¹² и тоже аэродром, там мы – дети военных – выходили на Волхов, к пароходам, на которых везли огромные плиты. Это был жмых¹³. Семечки со шкурками. Я думала, что это только у меня сохранилось в памяти как лакомство необыкновенное. Мы в праздничные дни заговорили о жмыхе, что вкуснее этого ничего в жизни не было. Вы представляете? Мы подбегали к этой пристани. Мы ждали. А это ведь для скота куда-то везли. Мы отщипывали немного от

¹¹ «Секретики» – детская игра, правила которой заключаются в сооружении тайников особой конструкции с мелкими «сокровищами».

¹² Кречевицы с 1935 г. по 1975 г. рабочий поселок в Новгородской области, в котором располагался аэродром дальней авиации. На сегодняшний день населенный пункт Кречевицы стал микрорайоном Великого Новгорода.

¹³ Жмых – это концентрированный корм для сельскохозяйственных животных с большим содержанием белка, получаемый после отжима растительного масла на прессах различной конструкции из прошедших подготовку семян масличных культур.

жмыха. Также как когда-то турнепс¹⁴. То же самое. А в одном местечке, это уже было под Ленинградом, как оказалось, это был Вавиловский производственный комплекс в Царском селе, там росли кизил, барбарис, всякая всячина. Мы лазили через забор, хотя там были собаки. Опять-таки, дети этих самых летчиков, перебирались как-то, и нам главное было сорвать эту веточку кизила. Господи! Что с него есть?! Но это тоже детское воспоминание. Ни дочь, ни внучка, ни правнучка об этом не знают, и я тоже им практически об этом не рассказывала. А потому что это неинтересно. А дальше, уже после Забайкалья, что запомнилось, так это прыжки с парашютом. Кроме того, что летчики летали. Они тренировались, погибали. Первые смерти уже в мирных условиях. Это я тоже все видела и помню. Но парашюты. А наши мамы молодые стояли у окон этих домиков и смотрели на небо, и ночью падали эти парашюты. Это тоже воспоминания и от этого никуда не деться. Но такое богатство, которое осталась в моих воспоминаниях о той пище, с которой нас папа встретил из Мелитополя. Он очень гордый был. Он нас повел в подвал, включил свет и там, на газетах были разложены конфеты марципан, других не было, потом там была колбаса сухая кусочками, сахар, но самое главное это были баночки с кукурузой. Банки были до 5 литров со сгущенным молоком. Консервы эти были китайскими. Великая китайская стена. Спасибо, я познакомилась с ними тогда, там в подвале. А дальше началось. Папа заставлял маму, которая была очень худенькая, кушать каждое утро по чашечке сгущенного молока. Ее воротило от этого молока. Я когда покупаю сгущенное молоко, до сих пор об этом вспоминаю. Раньше как считалось? Что жена должна быть солидной, полной, это значит, семья живет хорошо. Поэтому мужики втюхивали в своих жен все такое. Особое воспоминание – это шоколад. Летчикам давали большие плитки. Все обложки помню. Это стояло стопочками, потому что сами они не ели и оставляли своим детям. У меня до сих пор запах земли, бузины и металла. Около Новгорода, станция Кречевицы и все было перемолото. И вот этот запах остался. На всю жизнь. Можно идти, как ищейке, по следу. Упала с танка. Не знаю с немецкого или с русского. И тот и другой стояли рядом. Кто-то сказал из местных, что один танк гнался за другим и оба провалились под лед. И вот эти танки вытащили. Это было такое событие! Мама сказала: «Ни в коем случае не ходи никуда к Волхову, ни к этим танкам!» И, конечно же, мы пошли: мальчики и девочки тоже некоторые. И вот на этот танк забралась. Это все ржавое было. Но, в общем, слетела оттуда. Травмы и прочее. Домой не пошла к маме-врачу. Приложила подорожник. Ну, а мальчик соседский пришел (к моей маме. – *Р.Ф., П.З.*): «Тетя Тоня, а ваша Юля с танка упала!» Но, в общем, мы потом с ним разобрались. А мама хотела со мной разобраться. Я кинулась сразу под кровать. А мама стояла с веревкой и говорила: «Сейчас же выйди!» Я не помню, вышла я или нет. Но, в общем,

¹⁴ Турнепс – это культурное овощное растение, из семейства крестоцветные, выращиваемое в умеренном климате, как правило, на корм скоту. Также распространено другое название – кормовая репа.

было за что. А 9 мая этого года моя правнучка, которой исполнилось восемнадцать лет, она ходила на Бессмертный полк, и все традиции семейные по линии папы и мамы я передаю этой девочке.

Постников Алексей Владимирович: Юлия Викторовна, можно вопрос к вам персональный, поскольку вы упомянули Забайкалье, а это, можно сказать, моя Родина по линии папы. Вы помните запах лиственничной тайги?

Бельчич Юлия Викторовна: Я только лиственницу и помню. А еще я помню черных белок. Когда мы приехали в Ленинград, и в классе девочка выступала, третий класс был, (и говорила. – *Р.Ф., П.З.*) какие белочки серенькие. А я говорю черненькие! Что вы думаете? Мне сказали, что я обманщица. Я пришла домой и сказала, что они говорят, что белки серые, а они черные.

Постников Алексей Владимирович: А бурундучков помните?

Бельчич Юлия Викторовна: Я помню, когда разрешали стрелять. А мясо добывали как? Только из пистолета, стреляя на охоте. У кого-то ружья были. Сколько перестреляли косуль и всего такого.

Еремеева Алина Иосифовна: Вы знаете, слушать все воспоминания было очень интересно. Хочу рассказать еще два момента из моей собственной жизни. Мне пришлось услышать в Москве две воздушные тревоги. Одна из них была ложной, даже обе. Когда мы приехали в Москву 13 июля. Мы приехали из Украины. 18 июля нас повезли в Речной порт. Нас увозили в эвакуацию. По дороге вдруг тревога. Все вылетели из трамвая. Спрятались в подворотнях. После войны я узнала, что это была последняя учебная воздушная тревога. На следующую ночь началась дикая бомбежка Москвы. Мама оставалась в Москве. Носила зажигалки. Она работала на маленькой фабрике от правительства, рядом с электrozаводом. Мы, обыватели, не знали, но немцы знали, что это был военный завод. Туда шли фугасы. Потом мама приехала к нам в эвакуацию. И вернулись мы весной, в апреле 1943 г. Но что бросалась в глаза, вся Москва, как только наступала ночь, все щели были закрыты. Полная маскировка. Ну конечно с едой сначала было трудно. Безусловно. Интересный момент был. Мы тогда жили некоторое время в квартире у дяди, это был дом правительства на Грановской 3¹⁵. Центр самый Москвы, рядом с Московским университетом. И вдруг, прямо в апреле, поздней весной грохот во дворе. Мы вылетаем, тревога. Видно, что бьет артиллерия. Оказывается, это был первый победный салют за взятие Орла и Белгорода. Потрясающее впечатление.

Надо сказать, что еще в эвакуации у нас такая самодеятельность развелась. Я сама играла партизана. И вообще мы ставили такие пьесы! Как-то это все отпечаталось, все эти пережитые моменты. И вот этот салют победный. Мне все это запомнилось. А еще мне запомнилось, тогда не было молока, и мы брали какое-то «суфле». Это была замена. И вот однажды. Моховая. Грановская рядом. И я побежала и вижу. Вы знаете,

¹⁵ Улица Грановская переименована в Романов переулок.

тогда посетил Москву Броз Тито¹⁶. Красавец-генерал вышел во двор. Замечательно это все было. А еще мне пришлось учиться этот год, когда я жила на Грановской. Со мной в классе училась Рада Хрущева¹⁷, Неонила Черняховская¹⁸, Лена Ватутина¹⁹. Вот такой был состав класса. И вот однажды в эту школу приехал вместе со своей женой и маленьким сыном отец Неонилы Черняховской, совершенный красавец генерал И.Д. Черняховский. Это знаете, такие впечатления замечательные. И последнее. Жизнь в Москве 1943 г. Мама стала снова работать на своей кондитерской фабрике. И вы знаете, в очень ограниченном объеме в качестве мер поддержки ей давали древесную массу, похожую на замазку. Но из нее можно было печь какие-то лепешки. А уже очистки от картофеля были уже основой для торта. Вы знаете, ничего. Выжили!

Постников Алексей Владимирович: У меня есть некоторое воспоминание. Где-то в 1993 г. был я США и со мной были дочка и внучка. Мы были в гостях у американской семьи, нас пригласили. Жена русская, уже сильно забывшая русский язык, а муж – немец. Они просто послушали мой доклад и просто решили завести с нами знакомство. Они нас пригласили к себе в Лейк-Дженива²⁰. У них там имение, два дома громадных. Но дело не в этом. В первый же вечер, когда они там устроили некий обед в нашу часть, и моя дочка Машуля стала рассказывать на русском языке о том, как было плохо во время Великой Отечественной войны. Я переводил. А русская эмигрантка Зика так серьезно на меня посмотрела и говорит: «Алексей, у нас тоже было так тяжело. Были перебои с сахаром». Вот так. Совершенно другое представление, что такое была Вторая мировая война.

Источники и литература

1. *Леонтьева О.Б.* Дискурс, образ, миф: междисциплинарность в изучении исторической памяти // «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г. М.: Совпадение, 2012. С. 152–159.

2. *Пивоварчик С.А.* Репрезентация исторической памяти о Великой Отечественной войне в историко-культурном ландшафте трансграничного региона // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14, вып. 1 (123). DOI 10.18254/S207987840024135-7

3. *Поршнева О.С.* Гражданская война в политике памяти и исторической памяти советского общества в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 143–150.

¹⁶ Иосип Броз Тито (1892–1980) – югославский революционер, политический, государственный, военный и партийный деятель. В 1945–1980 гг. лидер Югославии.

¹⁷ Хрущева Рада Никитична (в замужестве Аджубей) (1929–2016) – дочь Никиты Хрущева, советская и российская журналистка и публицистка.

¹⁸ Черняховская Неонила Ивановна (род. 22.05.1929) – кандидат эконом. наук, дочь генерала Ивана Даниловича Черняховского.

¹⁹ Ватутина Елена Николаевна (1929–2016) – переводчик, дочь генерала Николая Федоровича Ватутина.

²⁰ Лейк-Дженива (англ. Lake Geneva) – город в округе Уолуорт, штат Висконсин, США.

4. Романова А.П., Федорова М.М. Между советским прошлым и национальной историей: к вопросу о новой казахстанской идентичности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14, вып. 12 (134). Часть II. DOI 10.18254/S207987840029775-1

5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

6. Landsberg A. Engaging the past: mass culture and the production of historical knowledge. N.Y.: Columbia University Press, 2015. 213 p.

7. Laruelle M., Karnysheva M. Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites. London; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2021. 168 p.

8. Sang M.H.F. Legislation, Collective Memory and History: When the French Legislature Deals with the Past // Sortuz: Oñati Journal of Emergent Socio-legal Studies. 2009. Vol. 3, Iss. 2. P. 95–110.

9. Tromly B. Studying the Great Patriotic War in the Shadow of the Current Crisis // Communist and Post-Communist Studies. 2024. Vol. 57, Iss. 3. P. 147–158.

References

1. Leont'eva, Ol'ga B. "Diskurs, obraz, mif: mezhdistsiplinarnost' v izuchenii istoricheskoi pamyati." *"Steny i mosty": mezhdistsiplinarnye podkhody v istoricheskikh issledovaniyakh: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, RGGU, 13–14 iyunya 2012 g., Sovpade-nie*, 2012, pp. 152–159.

2. Pivovarchik, Sergei A. "Reprezentatsiya istoricheskoi pamyati o Velikoi Otechestvennoi voine v istoriko-kul'turnom landshafte transgranichnogo regiona." *Elektronnyi nauchno-obra-zovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, vol. 14, iss. 1 (123), 2023. DOI 10.18254/S207987840024135-7. Accessed 27 May 2025.

3. Porshneva, Ol'ga S. "Grazhdanskaya voina v politike pamyati i istoricheskoi pamyati sovetskogo obshchestva v 1920-e gg." *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 89, 2024, pp. 143–150.

4. Romanova, Anna P. and Mariya M. Fedorova. «Mezhdru sovetskim proshlym i natsional'noi istoriei: k voprosu o novoi kazakhstanskoi identichnosti.» *Elektronnyi nauchno-obra-zovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, vol. 14, iss. 12 (134), part II, 2023. DOI 10.18254/S207987840029775-1. Accessed 27 May 2025.

5. Halbwachs, Maurice. *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Translated from French into Russian by Sergei N. Zenkin, Novoe izdatel'stvo, 2007.

6. Landsberg, Alison. *Engaging the past: mass culture and the production of historical knowledge*. Columbia University Press, 2015.

7. Laruelle, Marlene and Margarita Karnysheva. *Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites*. Bloomsbury Academic, 2021.

8. Sang, Mickaël H.F. "Legislation, Collective Memory and History: When the French Legislature Deals with the Past." *Sortuz: Oñati Journal of Emergent Socio-legal Studies*, vol. 3, iss. 2, 2009, pp. 95–110.

9. Tromly, Benjamin. "Studying the Great Patriotic War in the Shadow of the Current Crisis." *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 57, iss. 3, 2024, pp. 147–158.

Сведения об авторах:

Фандо Роман Алексеевич, доктор исторических наук, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; e-mail: fando@mail.ru.

<https://orcid.org/0000-0003-2180-4393>

Захарчук Полина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; e-mail: polina_zah@bk.ru.

<https://orcid.org/0000-0003-2790-8556>

Дата поступления статьи: 03.05.2025

Одобрено: 06.05.2025

Дата публикации: 28.07.2025